

Огромное панорамное окно было вымыто до блеска — в безупречно чистом стекле смутно отражался суровый профиль Гу Линя.

Опустив взгляд на экран телефона, он лениво пролистывал пальцем сообщение от личного ассистента — краткую справку о Шан Хэне.

Шан Хэн, двадцать два года, недавний выпускник. Семья из четырех человек теснится в крошечной социальной квартире площадью меньше сорока квадратных метров. Приемные родители — заядлые игроки, младший брат — бездельник. И лишь сам Шан Хэн, чистый и непорочный, словно лотос в грязном пруду, безропотно сносит побои, оскорбления и кабалу чужих долгов. Классический мученик из слезливой мелодрамы.

На этих строчках Гу Линь помедлил.

«Пока я не осознал, что переродился в книге, мне и в голову не могло прийти, что подобный сюжет из дешевых сериалов когда-нибудь будет иметь ко мне отношение».

По правде говоря, сам роман он не читал. Все его скудные познания о сюжете основывались на сценарии адаптации, который когда-то рассматривался на инвестиционном совете его компании.

Тот сценарий ни на йоту не отступал от избитых шаблонов оригинала: целая когорта богатых, красивых и успешных мужчин соперничает за благосклонность самого заурядного главного героя.

Властный президент Гу Линь — его полный тезка — добрую половину книги тратит на долгие и мучительные попытки завоевать неприступного красавца, пока наконец не устраняет всех конкурентов и не добивается своего. Среди множества перспективных проектов этот выглядел откровенно убогим.

Гу Линь честно пытался проявить терпение. Но когда дошел до сцены, где эмоционально глухой главный герой, Шан Хэн, умиленно принимает объятия третьего ухажера и при этом с невинным видом уверяет сгорающего от ревности второго, что «они просто друзья», терпение лопнуло. Гу Линь безжалостно завернул проект.

Кто же знал, что расплата наступит так быстро? Он переродился в теле того самого грозного президента, которого сюжет вскоре должен был насильно заставить бегать за «неприступным» мальчишкой.

В прежней жизни Гу Линь тоже принадлежал к влиятельному клану. Он вкалывал по восемнадцать часов в сутки, отдавая все силы процветанию семейного дела. Но из-за клейма незаконнорожденного после смерти отца его мгновенно вышвырнули из совета директоров, лишив всяких прав на наследство. Здесь же он стал законным старшим сыном. Что ж, нет худа без добра.

Гу Линь потер переносицу, пряча глаза в набежавшей тени.

«Но что, если я откажусь следовать сюжету? Вернусь ли я тогда в свое прежнее тело?»

В этот момент Шан Хэн, который только что ушел, снова появился перед ним.

Гу Линь очнулся от мыслей и слегка прищурился.

«Чтобы я, как в каком-то дешевом романе, унижался и вымаливал его прощение? Ну уж нет. Ни за что на свете!»

— Надо же, какая гордость! И не стыдно было так быстро приползти обратно?

Ся Ли кокетливо накрутила на палец локон и процедила это своим вкрадчивым, певучим голосом. Она прищурилась, предвкушая, как Шан Хэн сейчас начнет лебезить, заикаться и умолять о прощении.

Однако юноша даже не удостоил ее взглядом. Обойдя диван, он направился напрямик к панорамному окну. Ся Ли, уязвленная таким пренебрежением, гневно уставилась ему в спину. Гости вечера то и дело бросали в их сторону любопытные взгляды, перешептываясь и делясь сплетнями.

Шан Хэн протянул Гу Линю контракт, который только что составил ассистент А-Мо. Подписи юноши на нем еще не было.

Гу Линь плотно сжал губы, между бровей залегла глубокая складка. Его взгляд оставался холодным и отстраненным. Он не сделал ни единого движения, явно не собираясь брать бумаги.

Прежде чем Шан Хэн успел заговорить, президент произнес с явным раздражением в голосе:

— Можешь не переживать, выписанный чек я аннулировать не стану. Я очень занят, так что искать встреч со мной не нужно. Если возникнут вопросы — обращайся к моему ассистенту.

«И лучше вообще не попадайся мне на глаза».

Шан Хэн усмехнулся и небрежно опустил контракт на деревянную подставку для бонсай.

— Я ценю вашу щедрость, президент Гу. Но, взвесив все за и против, я решил отказаться от

сделки. Чек я вам верну. С этого момента каждый из нас идет своей дорогой.

Только тогда Гу Линь наконец удостоил его полноценным взглядом. Темные брови президента дрогнули от удивления.

«Разве в сюжете было что-то подобное? Не помню».

Он пристально вглядывался в лицо Шан Хэна, пытаясь рассмотреть скрытые под длинной челкой глаза. Какую игру затеял этот парень?

На диване переглянулись Ся Ли и Фань Юн. Последний так увлекся этой сценой, что выронил платиновую игральную кость, которую вертел в пальцах, и та со стуком покатила по полу. Фань Юн смерил Шан Хэна пренебрежительным взглядом и прыснул:

— К чему этот дешевый спектакль? Решил изобразить святошу, а сам небось прикарманишь денежки и сбежишь?

Ся Ли брезгливо скривилась:

— Вот именно. Целых два миллиона! Кому-то вроде него, привыкшему пресмыкаться в грязи, таких денег и за всю жизнь не заработать.

— Мечтать не вредно. А вдруг повезет? — Шан Хэн беззаботно пожал плечами.

Платиновая кость, скользя по ворсу ковра, замерла прямо у его ног. Юноша наклонился, подобрал ее и легким щелчком отправил обратно в сторону развалившегося на диване мажора.

Металлическая безделушка с ювелирной точностью угодила прямо в бокал, который держал Фань Юн. Брызги дорогого алкоголя мгновенно веером разлетелись в стороны, щедро окатив лица обоих зубоскалов.

— Ах ты!..

— Не стоит благодарности, сущие пустяки, — с предельно вежливой улыбкой перебил его Шан Хэн, затыкая готовое сорваться ругательство. — А что до денег... Свои, заработанные честным трудом, как-то приятнее пахнут.

Гу Линь хранил молчание. Шан Хэна это ничуть не заботило. Проигнорировав полные злобы и презрения взгляды золотой молодежи, он развернулся и легкой, уверенной походкой направился к выходу.

Гу Линь провожал его взглядом. Экран смартфона в его руке тускло светился, упрямо напоминая о каноничном характере главного героя.

«Думает, я не раскусил этот трюк? Разыгрывает из себя гордого и независимого, лишь бы привлечь мое внимание. Какая банальщина».

Гу Линь заблокировал экран. Уголки его губ пренебрежительно опустились.

— Дешевая попытка поиграть в кошки-мышки, — негромко процедил он.

Однако у самых дверей банкетного зала Шан Хэн вдруг замер, словно вспомнив о чем-то важном. Под недоуменными взглядами гостей он развернулся, широким шагом вернулся к Гу Линю и бесцеремонно протянул ему открытую ладонь.

Ся Ли, яростно вытиравшая лицо салфеткой, злорадно фыркнула:

— Что, дорогуша, молодой господин Гу не стал тебя удерживать, и ты сразу прибежал каяться?

— Прошу прощения, — невозмутимо отозвался Шан Хэн. — Совсем забыл. Вы мне за торт так и не заплатили.

Гу Линь: «...»

В воздухе повисла оглушительная, неловкая тишина.

Когда Шан Хэн, ведя рядом велосипед, добрался до своего квартала, на город уже опустились сумерки. В окнах высотных зданий один за другим загорались огни, а заходящее солнце медленно тонуло в лабиринте бетонных джунглей.

Стоило свернуть в узкий замусоренный переулок, как шум оживленных проспектов остался позади. Косые лучи заката тускло освещали старую семиэтажку. На незаконно пристроенных балконах топорщились разномастные сушилки для белья. В воздухе витал густой коктейль из кухонного чада, ароматов чужих ужинов, сырости и ржавчины.

Дом явно знал лучшие времена. Лифта здесь никогда не было. Ступени полуразрушенной бетонной лестницы покрывал вековой слой грязи, железные перила давно покрылись бурым налетом ржавчины, а тусклые лампочки на этажах мигали, едва справляясь со сгущающейся тьмой.

Шан Хэн лениво брел вверх, засунув левую руку в карман брюк.

Его нынешнее пристанище находилось на седьмом этаже. Тот самый чек на два миллиона, который прежний владелец тела получил от Гу Линя, лежал запертым в ящике его письменного стола. Опоздай Шан Хэн хоть немного — и эти деньги гарантированно уплыли бы на оплату очередных долгов его новоявленных родителей-игроманов. И тогда ему действительно пришлось бы с позором ползти назад к заносчивому президенту.

— О, Сяо Шан, вернулся наконец!

Шан Хэн поднял голову. Навстречу ему, цокая каблуками по бетонным ступеням, спускалась модно одетая женщина средних лет. На ней красовались дорогие брендовые вещи.

Госпожа Жун была владелицей этой дряхлой семиэтажки. Более того, все четыре соседних дома тоже принадлежали ей. Несколько лет назад, еще до того как разбогатеть, она жила по соседству, прямо напротив семьи Шан Хэна. Ее сын, Жун Чжи, рос вместе с главным героем. Они были не разлей вода — классические друзья детства и, разумеется, по закону жанра, Жун Чжи являлся одним из главных соперников в грядущей любовной битве. Позже госпожа Жун повторно вышла замуж за крупного застройщика и переехала вместе с сыном в элитный район. С тех пор старые друзья не виделись много лет.

— Здравствуйте, госпожа Жун, — вежливо улыбнулся Шан Хэн, хотя мысленно лихорадочно сопоставлял факты.

«Неужели уже пришло время платить за квартиру? Кажется, из-за того, что я перекроил начало сюжета, события начали немного смещаться».

— Называй меня просто тетушкой Жун, ты ведь с самого детства меня так звал, — ласково улыбнулась женщина, но тут же озабоченно вздохнула: — Сяо Шан, я правда не хочу давить на тебя, сынок. Я знаю, как тебе тяжело приходится. Но аренду задерживать больше нельзя, пойми меня правильно.

Шан Хэн мысленно развел руками. Только что он так эффектно утер нос высокомерному богачу, а суровая реальность уже отвесила ему звонкую затрещину. У прежнего Шан Хэна были за пазухой два миллиона, а у него теперь — лишь ветер в карманах. Похоже, его финансовое положение оказалось куда плачевнее, чем он предполагал.

Немного подумав, юноша твердо пообещал:

— Тетушка Жун, дайте мне три дня. Я обязательно все оплачу.

Женщина нерешительно посмотрела на него:

— Ну... даже не знаю...

Пока они разговаривали, и без того тусклый свет на лестничной площадке вдруг отчаянно заморгал. Переглянувшись, они подняли головы. Штукатурка вокруг старого плафона потрескалась, и огромный пласт сухой извести грозил вот-вот обрушиться прямо у них на головах.

Лампочка вспыхнула в последний раз, с громким щелчком сработал автомат в щитке, и площадка погрузилась в кромешную тьму. В то же мгновение тяжелый кусок стены сорвался вниз!

Тетушка Жун испуганно вскрикнула. Пытаясь отпрянуть, она оступилась на своих высоких каблуках и начала падать, но ожидавшегося удара сверху так и не последовало.

В темноте раздался резкий, свистящий звук рассекаемого воздуха. Точным и мощным ударом кулака Шан Хэн на лету разбил падающий обломок штукатурки. Ошметки извести с сухим шорохом брызнули в стену и веером осыпались на пол.

Снизу донеслись торопливые шаги. Спустя секунду послышался щелчок рубильника, и лестницу вновь залил тусклый свет.

На нижней площадке стоял молодой мужчина в безупречном черном полуформальном костюме. Верхняя пуговица его белой рубашки была небрежно расстегнута, галстук отсутствовал. На тонкой переносице аккуратно сидели изящные очки в серебряной оправе, выгодно подчеркивая плавные, благородные линии лица. Кожа незнакомца казалась почти фарфоровой, а каждая прядь темных волос была уложена с идеальной точностью.

— Мама, что случилось? — Мужчина быстро поднялся по ступеням и заботливо подхватил качнувшуюся женщину под руку.

Его глубокие, ясные глаза светились искренним беспокойством. Облик этого человека излучал мягкое благородство, напоминая искусно отполированный нефрит. От него веяло утонченным интеллектом, а спокойный, бархатистый голос ласкал слух.

— Ах, все хорошо, сынок... — Тетушка Жун все еще никак не могла отдышаться, судорожно прижимая ладонь к груди. — Сяо Шан меня спас. Если бы не он...

Шан Хэн выступил из глубокой тени лестничного пролета, небрежно отряхивая костяшки пальцев от белой известковой пыли.

— Пустяки, тетушка Жун. Рад, что вы не пострадали.

Взгляд Жун Чжи упал на юношу, и зрачки его на мгновение расширились от изумления. Но он

тут же справился с эмоциями, вернув лицу привычную мягкую вежливость.

— Ты... Шан Хэн?

Тетушка Жун перевела взгляд с кучи раскрошившейся штукатурки на стоявшего перед ней парня. В ее глазах промелькнуло искреннее недоумение. Разве Сяо Шан не рос всегда слабым и болезненным мальчиком? Откуда в нем эта сила?

— Давно не виделись, Жун Чжи, — спокойно отозвался Шан Хэн.

Внутренне он, впрочем, слегка занервничал: как вести себя с человеком, которого видишь впервые, но по сюжету обязан знать с пеленок?

К счастью, спасительная развязка наступила быстро. Скрипнула дверь квартиры по левую сторону от них, и на площадку высунулся упитанный подросток в новенькой, явно дорогой футболке. Он недовольно уставился на Шан Хэна и грубо прикрикнул:

— Ты где шлялся так долго? Живо на кухню, жрать готовь! Решил нас с родителями голодом заморить, урод?

<http://bllate.org/book/20646/2105878>